

личества собранного студентами на полевой практике материала хотя еще и не достаточное для серьезной научной обработки, но все же уже присутствующее в нашей текстотеке определенное количество единиц данного уникального жанра. В дальнейшей своей работе мы будем более подробно знакомить студентов с «Чатом», объяснять специфику его сбора, его научную значимость в рамках работы нашей Лаборатории для более активного привлечения компьютерной технологии в лингвистических изысканиях.

Первичное описание и обработка материалов практики показали, что он в дальнейшем может быть использован как для решения кардинальных теоретических вопросов изучения ЕПРР, так и для разработки более частных проблем. Проведенная прак-

тика показала продуктивность такого метода сбора фактологической базы научного исследования, поскольку таким образом в **научный оборот вводится новый, важнейший в культурологическом, жанрово-лингвистическом, коммуникативно-семиотическом и т.д. лингвистический материал.**

Библиографический список

1. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. С. 52.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Язык города. Наименования магазинов. Методическая разработка к практике для студентов филологического факультета / Сост. Т.В. Шмелева. Красноярск, 1989. С. 3.

И.А. Нагорный

ПРЕСУППОЗИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Причиной обращения к высказываниям с модально-персуазивными частицами (МПЧ) (*едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, неужели, якобы, дескать* и т.п.) явилась их яркая субъективность, обязательное формальное представление авторской точки зрения, позиции говорящего: *Но отослать его к отцам едва ль приятно будет вам (А. Пушкин); Мы, видишь ли, народ молодой! Авось и германцы-то не старше... (И. Бунин); На его место назначен как будто бы Томский (К. Чуковский); Сижу - вроде думаю, а вот так спроси - не знаю, о чем (В. Шукшин).* Определение роли, которая отводится формальным средствам - вербализаторам "точки зрения" - в семантической структуре высказывания, установление способов влияния субъективного на объективное в предложении оказывается важным для выявления особенностей соотношения высказываемого с действительностью.

Анализ семантической структуры высказывания должен отталкиваться от того, что

понимается под данным термином. Уточним, что за основу нами взято широкое понимание семантической структуры, куда включается совокупность абстрактно-грамматических и частных значений предложения. Функциональный подход к описанию высказываний с МПЧ заставил отказаться от узкого понимания указанного термина, предлагаемого в ряде работ [1; 2]. При таком понимании из семантической структуры исключаются общеграмматические значения предложения - предикативность, реализуемая в категориях модальности, темпоральности и персональности, а также конкретное информативное содержание высказывания. Функциональный подход заставляет взглянуть на семантическую структуру с иной точки зрения, где актуальными оказываются те параметры, которые часто оказываются вне внимания исследователей при описании предложения исключительно со стороны способов вербализации объективной части смысла, формально представленной в пропозитивной модели события. Ана-

лиз высказываний с МПЧ убеждает, что субъективно-модальные квалификаторы, не являясь ядерными элементами семантической структуры, активно участвуют в ее уточнении, обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли не факультативных, а обязательных в смысловом аспекте элементов.

Широкое (смысловое) толкование термина “семантическая структура” дает возможность вести речь не только о семантической структуре *предложения*, к которой причисляются пропозиция и модальная рамка (то есть модельные, предложенческие сущности), а о семантической структуре *высказывания*, понимаемой более объемно, в которую наряду с вышеуказанными компонентами включаются, например, компоненты пресуппозитивного и околопропозитивного словесного диктума, принимающие непосредственное участие в создании широкого информативного фона высказывания (как речевой реализации предложения) и соотношенные между собой не только в моделиобразующем, но и в прагматическом аспекте. Данные компоненты являются выразителями особых смыслов, которые так или иначе соотносятся с модельными смыслами, реализуемыми пропозицией. Такие смыслы существенно конкретизируют объективные смыслы, соотносят их с говорящим, “проявляют” его позицию, работают на коммуникативную перспективу высказывания. Они важны для высказывания, так как выражают его субъективность, авторство, что для речевого образования является определяющим.

Итак, что включается в понятие “семантическая структура”. В качестве обязательных содержательных компонентов традиционно рассматриваются диктум и модус. Данная оппозиция характерна для предложения, о чем неоднократно и подробно говорилось [3 – 15]. Основу диктума, по мнению Ш. Балли, составляет представление, характеризующееся как цель, объект мыслительного акта. Модус же - это квинтэссенция, смысловой центр этого представления, отличительный

признак которого заключается в субъективном моменте отношения к высказываемому [3].

Диктум и модус являются иерархическими образованиями, имеют сложную структуру и включают ряд обязательных и необязательных (факультативных) компонентов [15]. Будучи противопоставленными, диктум и модус не являются тем не менее чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения-высказывания. Их взаимообусловленность закономерна. Проблема состоит в том, что диктум и модус являются все же относительно самостоятельными величинами, соотношенными в качестве объективного и субъективного слоев смысла, то есть оппозиционными сущностями. Противопоставленность диктума и модуса обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, среды и субъекта, “я” и “не-я”. Однако на этом же базируется и их внутреннее единство, так как предложение-высказывание, в котором диктум и модус находят свое выражение, всегда является авторским построением, “пропущенным” через личность говорящего. При этом субъективная информативность данного построения объективно обусловлена, базируется на “внешней”, объективной информативности.

Отмеченные нюансы должны быть учтены при анализе высказываний с МПЧ. Последние интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса.

В высказываниях с МПЧ объективная и субъективная части смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух автономных единств. Диктум при помощи модального квалификатора как бы “притягивается” к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть - диктум, трансформируя и усложняя его смысловую структуру.

Данный процесс сложен и противоречив. В нем задействовано множество факторов как грамматического, так и иного - прежде

всего прагматического - плана. Они нередко пересекаются, поэтому сложно провести их строгую дифференциацию. Однако там, где это возможно, разграничение объективного и субъективного в смысле предложения должно иметь место. Это объяснимо, так как в большинстве случаев дифференциация номинации события и ее субъективной квалификации остается актуальной.

В высказываниях с МПЧ четко прослеживается линия на снятие противопоставленности между модусным и диктумным смысловыми слоями. МПЧ как элементы модуса актуализируют здесь элементы диктума посредством трансформации полей пропозитивно значимых элементов (в первую очередь - предиката). Модусные смыслы, вводимые модально-персуазивными квалификаторами, в ряде случаев подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в этом случае не столько для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется модальная квалификация события, происходит его прагматическая ориентация: *Авось, бог даст, распогодится (И. Бунин); Описывать его обыкновенную наружность едва ли и следует (А. Чехов); Вряд ли Шебаков станет держать попову сторону (А. Гайдар).*

Однако МПЧ актуализируют в высказывании не только модусные смыслы. В анализируемых речевых образованиях выделяется особый слой смысла, который не является, с одной стороны, принадлежностью модуса, а с другой стороны, не включается в число собственно пропозитивных, "предложенческих" смыслов.

Рассмотрим данную проблему более детально. Известно, что объективная часть смысла высказывания членится на два слоя. Один принадлежит предложению, пропозиции. Другой сосредоточен на актуализации условий, которые лежат в основе развертывания первого слоя. Речь здесь идет о так называемом пресуппозитивном смысле, наличие которого в высказывании обязательно [16; 17].

В исследованиях неоднократно указывалось на то, что пресуппозиция имеет поня-

тийную, логическую природу. Логическое понятие пресуппозиции было определено Г. Фреге, который понимал под ней условия, способствующие тому, чтобы предложение правильно понималось [18]. Истинность или ложность пресуппозиции сама является условием истинности или ложности предложения. Ложная пресуппозиция в этом случае мыслится либо как основа метафорического переосмысления предложения, либо как фактор нелингвистичности его смысла. В конечном итоге, логическая пресуппозиция - это условия, существование которых позволяет трактовать суждение как истинное или ложное.

Лингвистическое толкование пресуппозиции основывается на том, что последняя представляет собой имплицитный уровень объективного смысла, обязательный для образования предложений, в связи с чем ему придается лингвистический статус. Выделение пресуппозиций предполагает обозначение какого-то исходного события, которое является условием возникновения другого события, воплощенного в конкретной, реализуемой в предложении пропозиции.

Логический и лингвистический подходы к определению сущности пресуппозиции достаточно обоснованы. Действительно, с одной стороны, пресуппозиции могут быть отнесены к сфере логики, к сфере ментального, но с другой стороны, они - соотносимые с языком явления, так как находят проявление в языке, связаны с формой предложения.

Согласно еще одному подходу под условиями понимаются внеречевые факторы, к которым, например, относятся время, место, ситуация, то есть факторы, так или иначе связанные с участниками коммуникативного акта [19]. Данная точка зрения соотносится с коммуникативным аспектом рассмотрения пресуппозиций. Актуальной при данном подходе становится задача дифференциации пресуппозиций на собственно языковые (лингвистические) и речевые. В последнем случае под пресуппозицией понимается использование говорящим и слушающим части "фонда общих знаний" для достижения конкретной поставленной цели речевого обще-

ния. От степени владения говорящим и адресатом пресуппозицией зависит структура речевого высказывания, использование тех или иных средств выражения, избирательность при использовании пресуппозиции. Речевая пресуппозиция соотнесена с истинным знанием, однако опосредованно - через обозначение предусловий, явившихся причиной квалификации события. Субъективная квалификация события, таким образом, является для речевой пресуппозиции главным и непременным фактором.

Соотнося данные проблемы с темой нашего описания, заметим, что указание на существование предусловий, так или иначе влияющих на возможность осуществления ситуации в действительности, является важной функцией МПЧ.

Понятия пресуппозиции и предусловий находятся между собой в тесных, однако не тождественных отношениях. Общее заключается в том, что и пресуппозиция, и предусловия включаются как составляющие в особый, объективный слой смысла. И те и другие фигурируют имплицитно, в основе содержат указание на условия, которые так или иначе связаны со способом представления ситуации.

Однако имеются и существенные отличия. Если пресуппозицией являются условия, выдерживающие критерий проверки отрицанием (Ср.: *Он поехал в деревню - Он не поехал в деревню*, где пресуппозиции “существует деревня”, “существует средство передвижения” - стабильны), то предусловие следует понимать как причину, которая явилась поводом для построения предложения и которая не может быть экспериментально проверена отрицанием. Данный критерий служит фактором, подтверждающим предположение относительно того, что МПЧ не могут быть отнесены к знакам, фиксирующим логические и лингвистические пресуппозиции. Смыслы, актуализируемые данными частицами, проверки критерием отрицания не выдерживают. Результат преобразования таких предложений в отрицательные, доказывает, что смыслы МПЧ не могут быть охарактеризованы в языковом аспекте как пресуппозитивные. Отрицание не затрагивает

их. В конструктах *Небось он там был - Небось его там не было; Ты, чай, слышал об этом - Ты, чай, не слышал об этом; Вряд ли он способен на это - Вряд ли он не способен на это* выделяются пресуппозиции “он есть”, “имеется нечто”, которые при введении отрицания сохраняются. Смысл же, реализуемый частицей, осознается как чуждый логической и лингвистической пресуппозиции, как смысл не собственно пресуппозитивного, а какого-то иного, хотя тоже имплицитного свойства. МПЧ в данном случае - это “след” фоновых знаний говорящего о причине, породившей высказывание, показатель внеречевых условий, которые делают актуальной попытку установления его истинности/ложности.

Так как пресуппозиция - это компонент смысла, который должен быть истинным для того, чтобы предложение-высказывание не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте, то критерий соответствия истинности/ложности является для пресуппозиции обязательным критерием.

Для предусловий критерий истинности/ложности также важен, однако в ином аспекте. Предусловия не могут осознаваться как истинные или ложные для того, чтобы предложение-высказывание могло соответствовать какому-то из истинностных значений. Это прерогатива логической или лингвистической пресуппозиции. Предусловия же всегда могут только быть, и их наличие - это, в нашем случае, повод для создания модально-кваликативного высказывания. Модально-персуазивные кваликаторы, в том числе частицы, выражают только одну абсолютно истинную мысль - “я так считаю”, которая не может быть расценена как имеющая прямое отношение к логической или лингвистической пресуппозиции. Эта мысль есть указание на предусловия, на существование причины, заставляющей говорящего актуализировать свою точку зрения при помощи ввода формального средства. Предположение, сомнение и другие кваликативные смыслы под влиянием этих условий не перерастают в констатационные именно потому, что имеются обстоятельства, опреде-

ленным образом препятствующие этому, и говорящий в той или иной степени допускает возможность существования таких обстоятельств в действительности.

При наличии МПЧ в составе высказывания какая-то часть из логических пресуппозиций уже не может быть однозначно определена как истинные или ложные, так как их частично “затемняют” предусловия, на существование которых указывают субъективно-модальные квалификаторы. Суждение об истинности/ложности ситуации является здесь не принадлежностью смысла логической пресуппозиции, а включается в содержание самого высказывания, которое выражает относительно-истинное суждение, нуждающееся в перспективной коррекции по критерию “истина/ложь”. Анализ высказываний с МПЧ подводит к мысли, что относительно истинное суждение есть результат существования предусловий, явившихся первопричиной модально-персуазивной квалификации события.

Возьмем следующее высказывание: *Шуйский...Весть важная! И если до народа Она дойдет, то быть грозе великой. Пушкин. Такой грозе, что вряд царю Борису Сдержат венец на умной голове (А. Пушкин).* Отношения между пресуппозицией и предусловиями развиваются здесь следующим образом:

1. В действительности имеется какое-то событие, зафиксированное исходной пресуппозицией. Обычно это экзистенциальная пресуппозиция, в данном случае - “Борис - царь”.

2. Экзистенциальная пресуппозиция лежит в основе развития логических пресуппозиций: “царь владеет неограниченной властью”; “если субъект царь, то он владеет неограниченной властью”.

3. Имеются предусловия, которые не позволяют однозначно охарактеризовать логические пресуппозиции как истинные или ложные на данный момент, то есть представить их в качестве базовых для установления истинности/ложности конечного результата какого-то конкретного события: “имеется нечто, что может осложнить отношения Бориса и народа”; “положение Бориса на троне

непрочно”. Предусловия в высказываниях с МПЧ не развернуты, но на факт их существования указывает формальное средство - частица. Данные условия - внеязыковые, логического плана, однако получающие знаковую (индексальную) репрезентацию на языковом уровне.

Фиксируемые МПЧ предусловия составляют смысловую основу особой пресуппозиции - речевой. Кроме предусловий в данную пресуппозицию включаются лингвистические знания участников речевого акта, представления их о мире, экстралингвистические факторы, межличностные отношения, в которых находятся между собой говорящий и адресат, гарантирующие уместность и понятность высказывания.

Речевая пресуппозиция обязательна для высказывания. Модально-персуазивный квалификатор через обозначение факта наличия предусловий функционирует в качестве одного из ее репрезентаторов в контексте речевого образования. Он соотносит высказывание с внеречевыми знаниями (пресуппозитивным фондом) говорящего.

Любая пресуппозиция - это условия. Не исключение в этом плане и речевая пресуппозиция. Условия речевой пресуппозиции являются основой для уместности выбранной структуры высказывания, эффективности воплощения коммуникативных интенций говорящего, правильного понимания высказывания адресатом. Строя модально-квалификативное высказывание, говорящий стремится удовлетворить эти условия для правильного истолкования адресатом своей точки зрения.

В высказывании фактом введения частицы подтверждается указание на то, что имеется общая тема речевого общения, которая, по мнению говорящего, важна как для него, так и для адресата. Именно это способствует модальной квалификации события, то есть попытке “донести” говорящим собственную точку зрения до адресата, показать ему ее значимость. Адресат, в свою очередь, должен владеть комплексом пресуппозитивных знаний, которые позволили бы ему правильно воспринять предлагаемую квалификацию события. Именно этот набор знаний и опре-

деляет критерий уместности применяемой говорящим модальной квалификации. В основе данного критерия находится принцип понятности, которому должно соответствовать речевое высказывание.

Речевая пресуппозиция в высказываниях с МПЧ рассчитана на то, что адресат окажется способным соотнести известные факты с предлагаемой модальной квалификацией и “переложить” это на уже известную ситуацию через ее моделирование на пресуппозитивном уровне. При несоответствии высказывания принципу понятности речевая пресуппозиция останется не воспринятой адресатом, что повлечет за собой невыполнение говорящим его коммуникативной задачи, которой было подчинено создание модально-квалификативного высказывания, - речевому воздействию на адресата.

Для адресата МПЧ являются знаками пресуппозитивного знания говорящего, знаками того, что последний обладает какой-то частью такого знания (во всяком случае - хотя бы только знанием факта наличия предусловий, могущих повлиять на результат осуществления события), что он оперирует своим знанием в интересах успешности коммуникативного акта: (Ср.: *-Пусть вратарем будет Олег, - решили все. -Вряд ли он придет сегодня, - сказал Антон (Г. Соколова)*).

В высказываниях с МПЧ речевая пресуппозиция, как система предварительных знаний коммуникантов о предмете речи, проявляется в качестве смысловой основы итогового допущения более одного возможного результата. Данное допущение характеризуется как условное предварительное “соглашение” между говорящим и адресатом. Адресат, по мнению говорящего, либо не обладает необходимым объемом знаний о предусловиях осуществления ситуации (и поэтому не в состоянии судить о правильности примененной квалификации события), либо обладает таким объемом знаний, но в этом случае модальная квалификация, примененная говорящим, должна показать адресату, что существует какая-то причина (о которой, возможно, тот не знает), обусловившая именно такой способ представления события.

В идеале интенция говорящего должна совпасть с интенцией адресата. Только тогда модальная квалификация события будет воспринята адресатом так, как это необходимо говорящему. Последнее базируется на правильном понимании речевой пресуппозиции, включающей владение информацией об условиях осуществления или неосуществления ситуации в действительности. Речевая же пресуппозиция перцептивируется через формальные средства ее экспликации, к которым относятся в том числе и МПЧ. Таким образом, в процессе речемыслительной деятельности и говорящий, и адресат оперируют модальными частицами как знаками речевых пресуппозитивных отношений.

Высказывания с МПЧ - речевые образования, поэтому естественным оказывается тот факт, что перспективное развитие получают здесь пресуппозиции, обусловленные коммуникативным заданием говорящего. Это не значит, что другие пресуппозиции перестают выделяться в семантической структуре высказывания. Однако их ранг существенно снижен по сравнению с рангом речевой пресуппозиции, которая в подобных высказываниях является главной, ведущей пресуппозицией. Для говорящего на данном этапе речевого общения наиболее существенным оказывается не столько обозначить событие как таковое, сколько сориентировать адресата на актуальную пресуппозицию, важную (с точки зрения говорящего) для успешности выполнения коммуникативного задания. В этом аспекте неречевые пресуппозиции отодвигаются на второй план, как бы “затемняются”, подчиняются речевой пресуппозиции. Последняя позволяет это сделать, так как использование субъективно-модального квалификатора налагает ряд требований к объему фонда знаний адресата. Предполагается, что адресат в какой-то мере ориентирован на имеющие место в высказывании логические и лингвистические пресуппозиции, оперирует (или имеет возможность оперировать) ими.

В двучленной формуле Н. Хомского “фокус - пресуппозиция” МПЧ однозначно примыкают к “фокусу”. Они ориентируют адресата на то, какую из множества пресуп-

позиций необходимо использовать для правильного понимания высказывания. В высказываниях с МПЧ это речевая пресуппозиция. Таким образом, рассматриваемые частицы - элементы, "проявляющие" главную для речевого акта на данный момент времени ("здесь" и "сейчас") пресуппозицию, обусловленную коммуникативным заданием говорящего. Включение предложений в модальную парадигму в данном случае представляется обусловленным дифференциацией тех пресуппозиций, которые не могут быть истолкованы "здесь" и "сейчас" ни как истинные, ни как ложные. Модально-персуазивная квалификация фокусирует в себе значимые компоненты совокупного смысла, реализуемого в предложении. Коммуникативный "фокус", концентрирующий в себе коннотативные (но не модельные) смыслы, выдвигается как ведущий фактор квалификации события, перспективно (прагматически) сориентированный говорящим.

Итак, МПЧ репрезентируют в высказывании особый уровень смысла - указывают на существование в действительности предусловий (причин), способствующих или препятствующих осуществлению ситуации в действительности. Данные предусловия - стимул к зарождению модально-кваликативного высказывания. Смысл, актуализируемый частицами, самостоятелен, отличен от смысла, актуализируемого лингвистическими и логическими пресуппозициями. Он объективен по сути, не является принадлежностью модуса, хотя и соотносится с ним. Указанный смысл необходимо рассматривать как один из факторов сближения объективного и субъективного в высказывании. В этом аспекте МПЧ - элементы, снимающие четкую противопоставленность диктума и модуса.

Отмеченный уровень смысла является одним из составляющих речевой пресуппозиции. Последняя стабильно проявляется в высказываниях с МПЧ. Речевая пресуппозиция характеризуется здесь как ведущая в коммуникативном аспекте, концентрирующая в своем семантическом поле комплекс подчиненных пресуппозиции смыслов. В этом плане МПЧ является знаком для адре-

сата. Говорящий при помощи модального средства дает знать, что имеются причины, существование которых заставило его отказаться от констатационного способа изложения собственной точки зрения, избрать другую форму выражения мысли. Данные причины в качестве речевой пресуппозиции включаются в диктум модально-кваликативного высказывания. Факт их существования доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется на них.

Библиографический список

1. Панфилов В.З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М.: АН СССР, 1963.
2. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1973.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. л-ры, 1955.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
5. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Изд. МГУ, 1971.
6. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. 1971. №1.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
8. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: Изд-во КГУ, 1978.
9. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1979. №2.
11. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: АН СССР, 1988.
12. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.
13. Шмелева Т.В. Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 1995. №5.
14. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд-во МГУ, 1998.
15. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988.

16. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.32. 1973. №1.
17. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976.

18. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып.8. М.: ВИНТИ, 1977.
19. Lakoff G. Linguistics and Natural Logic // Synthese. 1970. V.22. Nos S.

Т.Г. Пшёнкина

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА: ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Конец старого века и начало нового служат благоприятным моментом для осмысления, подведения итогов динамики развития современной науки, так как для её движения вперёд, для создания нового переосмысления и критический взгляд на достигнутое неизбежны. Этим обстоятельством объясняется появление в последнее время статей, монографических работ и обзоров, осмысляющих определённые аспекты отдельных наук и намечающих перспективы их дальнейшего развития.

Лингвистика в этом плане не является исключением. «Язык и наука конца XX века» [1], «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века» [2], «Лингвистические исследования в конце XX века» [3], «Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы» [4] - вот лишь некоторые из большого списка работ, посвященных современному состоянию этой науки, авторы которых подводят итог развития лингвистики в целом, соглашаются, спорят, высказывают своё видение относительно путей её дальнейшего развития.

«Для современной лингвистики характерно множество выдвинутых концепций, которые оказывались дискуссионными, спорными, получили неоднозначную оценку. Лингвистика конца XX века переживает становление новой системы идей и представлений» [5], - взвешенно и беспристрастно отмечает Ф.М. Березин и определяет её статус как полипарадигмальный, разделяя в этом плане точку зрения Е.С. Кубряковой [6]. По мнению П.Б. Паршина, история лингвистики XX века - «это история перманентного мето-

дологического мятежа, протекающего на фоне и в форме последовательных теоретических переворотов» ... «осуществляемых со значительной лёгкостью и встречаемых благосклонно» [7].

С одной стороны, эта «благосклонность», а точнее, *готовность* - лингвистов к смене предметно объектных областей своих исследований (парадигм) вполне закономерна. Во-первых, познающий субъект постоянно стремится расширить, углубить и разнообразить предмет своего изучения для наиболее полной и объективной характеристики интересующего его объекта. Во-вторых, и сам объект может претерпевать определённые изменения. Например, традиционным объектом лингвистики начала века в понимании приверженцев сравнительно-исторического метода, структуралистов и до определённой степени генеративистов выступал язык - языковая система, система конструкторов и правил их комбинирования. В настоящее время, когда интерес от того, как устроен язык («как - лингвистики»), смещается к объяснению («почему/зачем лингвистике») [8], правомерно обращение к языку как *системе концептов и стратегий пользования ими* в процессах говорения и понимания речи, в процессах смыслопорождения, то есть в речевой деятельности. В свою очередь, желание проникнуть в глубь объекта исследования видоизменяет предметный ракурс, «расшатывает парадигму» и требует новых познавательных возможностей. Такими возможностями, заложенными ещё в генеративной теории Н. Хомского, например, при рассмотрении языка как феномена ментального, феномена психики человека, «языка внутри